

бобровая струя

Геннадий Снегирев был человеком-легендой, фольклорным, в сущности, персонажем

семантический

о том, чего не было

Текст:

Лев Рубинштейн

Последние материалы

Новому поколению уже мало что говорит это имя. А ведь он был очень известным детским писателем, его книжки лежали в каждом доме, где водились дети. Его звали Геннадий Снегирев. Он писал о животных. Особой же его страстью были бобры.

Однажды накануне восьмого марта он явился в Детгиз, где издавались его книжки, чтобы поздравить дам-редакторш. Вынув из кармана небольшой стеклянный пузырек, он сказал: «Вот вам подарок. Эта жидкость называется «бобровая струя». Очень ценное вещество. Во Франции его добавляют в парфюмерию для стойкости запаха». В каких пропорциях добавляют, он не уточнил - то ли по забывчивости, то ли по незнанию, то ли из лукавства. А поэтому на ближайшие пару месяцев вся редакция обрела чрезвычайно сильный и действительно стойкий запах уездного зверинца.

Геннадий Снегирев был человеком-легендой, фольклорным, в сущности, персонажем. Чего про него только не рассказывали. Был он якобы и беспризорным, и юнгой на корабле, и кладоискателем. Будучи по советским меркам более или менее успешным литератором, он был вполне асоциальной личностью со многими чертами русского юридического, которому не только позволено все, но это самое «все» от него даже и требуется. В те времена на нестандартное поведение требовалась лицензия, каковой обычно служила справка из психиатрического заведения. Вот он и состоял на учете в психдиспансере и даже имел какой-то внушительный диагноз, хотя по мнению близких друзей был понормальней многих здоровых. Знакомый писатель рассказывал мне такую историю. Идет он, писатель, по улице, а навстречу идет Снегирев. «О, хорошо, что я тебя встретил, - говорит Гена, - У тебя есть чуть-чуть времени? Не можешь со мной зайти не несколько минут в диспансер, вот тут за углом?» - «А зачем я тебе нужен?» - «Да мне там надо диагноз подтвердить, а я со своим диагнозом обязан ходить в чьем-нибудь сопровождении. Это быстро, выручи».

время оолиг, не сплю, не ем. вот и мама подтвердит». и он, не оборачиваясь, показывает рукой на своего солидного, крупного и совершенно лысого спутника. – «А вы уверены, что это ваша мама?» - вкрадчиво спрашивает доктор. – «А кто же еще? Конечно, мама». Тут он оборачивается, выражает лицом крайнее изумление и говорит: «Ой! Да это не мама. Это блядь какая-то».

А какие истории рассказывал он сам! Вот сидит, допустим, компания за общим столом, и Снегирев вдруг спрашивает: «А вы знаете, при каких обстоятельствах погиб академик Лебедев?» - «А кто это?» - «Ну, такой академик был. По китам. Так вот этот самый Лебедев отправился как-то на китобойном судне со своими исследовательскими целями. Как-то раз моряки загарпунили огромного китищу и подняли его на палубу. А академик тут как тут, ходит с каким-то прутиком в руке, и все осматривает кита. То хвост потрогает, то в глаз заглянет. Потом взял да и пощекотал зачем-то зверя в области гениталий. И тут детородный орган кита так возбудился, что выпустил струю семени под давлением в триста двадцать атмосфер, и этой вот самой струей академику снесло голову». Это лишь то, что вспомнилось сходу. Было много и других рассказов, соревнующихся друг с другом в исключительной достоверности. Про то, например, что Брежнев, оказывается, был цыганом и до шестнадцати лет жил в таборе. Никто, этих немислимых сюжетов так, кажется, и не записал. Фольклор фольклором и остался.

Про него как-то забыли. Да и я давно о нем ничего не слышал. Спросил недавно у старого своего приятеля, что слышно о Гене Снегиреве, его соседе по писательскому дому. «Умер Гена, - сказал приятель, - Уже полгода как умер».

Источник: ["Еженедельный журнал", №115, 12.04.2004](#),

Рекомендованные материалы

Лев Рубинштейн

22.02.2022
ПРОСТО ТАК

Лев Рубинштейн

17.02.2022
ПРОСТО ТАК

имя розы

Однажды она спросила: «Ты ел когда-нибудь варенье из роз?» Ничего себе! Варенье из роз! Какой-то прямо Андерсен! Варенье! Из роз! Неужели так бывает? «Нет,

грибной дождь

Можно, конечно, вспомнить и о висевшем около моей детской кровати коврик с изображением огромного ярко-красного гриба, в тени которого, тесно прижавшись